

Максим Горький

Беседы о ремесле

Максим Горький
Беседы о ремесле

«Public Domain»

1931

Горький М.

Беседы о ремесле / М. Горький — «Public Domain», 1931

«То, о чём я хочу рассказать, произошло за тридцать лет до наших дней, и – возможно, что всё это было не совсем так, как я расскажу. Ещё в детстве я отметил, что Нижний-Новгород богат «дурачками», «полуумными», «блаженненькими». Эти ненормальные люди вызывали у «нормальных» обывателей, у мещан, двойственное отношение: над «полуумными» издевались, но в то же время и побаивались их, как бы подозревая: не скрыта ли за безумием особая мудрость, не доступная разуму «нормальных». Подозревать это – были основания...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	10
-----------------------------------	----

Максим Горький

Беседы о ремесле

1

I

То, о чём я хочу рассказать, произошло за тридцать лет до наших дней, и – возможно, что всё это было не совсем так, как я расскажу.

Ещё в детстве я отметил, что Нижний-Новгород богат «дурачками», «полуумными», «блаженненькими». Эти ненормальные люди вызывали у «нормальных» обывателей, у мещан, двойственное отношение: над «полуумными» издевались, но в то же время и побаивались их, как бы подозревая: не скрыта ли за безумием особая мудрость, не доступная разуму «нормальных». Подозревать это – были основания.

Муза Гущина в четырнадцать лет от роду была признана «дурочкой», а через два-три года всё мещанство города оценило её как «провидицу», способную предугадывать будущее. К ней, в маленький домик на «Гребешке», ходили и ездили сотни людей: она певучим голосом тихонько говорила им какие-то нескладные слова, взимая за это по четвертаку. Была она кругленькая, аккуратных форм, бело-розовая, точно из фарфора вылепленная. Выходила к людям в одной длинной, до пят, рубашке грубого полотна, ворот наглухо завязан чёрной тесёмкой, светлые «ржанные» волосы рассыпаны по спине; голову она держала склонив её вниз и к левому плечу, точно прислушиваясь к голосу своего сердца.

С её круглого розового личика из-под густых тёмных бровей смотрели прикрытые ресницами синевато-серые глаза; на этом ангельски глупом лице они казались чужими, и было в них что-то тревожное и угрюмое – на мой взгляд.

Любопытства ради я тоже отнёс Музе четвертак, и она, погрозив мне игрушечным пальчиком, сказала:

– Тому не сбыться, что во сне снится.

А товарищу моему, скромнейшему парню с заячьей губой, ломовому извозчику:

– Не ходи, козёл, по двору; гуляй, козёл, на гору.

Дожив до двадцати одного года, она вдруг изумила город, возбудив против дяди и опекуна своего судебное преследование за сокрытие и растрату её наследственного после матери имущества. Оказалось, что на заработанные прорицаниями четвертаки Муза, при помощи некоего «частного ходатая по судебным делам», тайно и ловко собирала улики против дяди, и улики оказались настолько бесспорными, что дядя сел в тюрьму.

Несколько лет Муза обманывала людей, продавая им глупенькие фразы по 25 копеек за штуку. Но она прикрывалась слабоумием в целях самозащиты, в борьбе за «имущество» она победила, и нормальные люди, простив ей обман, удостоили её похвалы и славы.

Был другой случай, подобный этому: в окружном суде слушалось дело беглого каторжника Кожина, купчихи Малининой и ещё четырнадцати человек.

Компания эта обвинялась в производстве и распространении кредитных билетов сторублёвого достоинства, а также купонов в 2 рубля 16 копеек и в 4 рубля 32 копейки.

На скамье подсудимых сидела пышная молодая женщина, круглое лицо её умеренно румяно, глаза мягкие, «с поволокой», на публику она смотрит из-под густых бровей, спокойно, судьям отвечает кратко, немножко обиженно и – с явным сознанием своего достоинства. Скажет что-нибудь сочным голосом и оботрёт яркие губы платочком, точно плюнула неаккуратно. Рядом с нею – Кожин, солидный бородач лет пятидесяти, крепкий, красивый, с весёлыми гла-

зами и ясным голосом невинного человека, он – словоохотлив и любит пошутить. На обороте нескольких сотенных бумажек, там, где печатались грозные извлечения из статей «Свода законов», он, Кожин, напечатал: «Дурак тот, кто не подделывает государственных кредитных билетов», – этой неуместной шуткой он и погубил предприятие, весьма солидное и технически и организационно. Остальные подсудимые, сероватые люди, занимались сбытом товара; двое были предателями и один «слабоумный»; из обвинительного акта и во время «судоговорения» ясно было, что его роль в этом деле – незначительна, даже возможно, что он случайно замешан в процессе. Предатели не давали обвинению материала против этого парня, голословно утверждая, что «он в этом деле тоже путался», что он «полуумный», вроде «блаженного» и – «озорник».

Вёл себя «озорник» возбуждённо, громко разговаривал с соседями по скамье, спрашивал: «А теперь что будет?» Судьям отвечал бестолково, крикливым натуженным голосом. Его останавливали, он позёвывал, дремал и, встряхиваясь, снова спрашивал: «А теперь – что?» У него – неправильный, сильно стиснутый с висков череп, старообразное лицо глубоко разрезано щучьим ртом, под рыжеватыми бровями – маленькие, острые звериные глаза. Защитник, уверенный, что этого человека оправдают, – медицинской экспертизы не потребовал.

В деле было тёмное место: ни следователь, ни суд не могли установить, кто из обвиняемых исполнял роль главного «раздатчика товара». По словам сбытчиков и «потерпевших», они получали фальшивые деньги от «разных лиц», то же самое говорили и предатели, не указывая ни одного из этих лиц среди подсудимых.

И вдруг Кожин пошептался с Малининой и громко сказал «полуумному»:

– Ну, брось дурака валять, рассказывай! А то что ж ты один на воле болтаться будешь?

«Слабоумный» встал и весьма здравомысленно, грамотно, не без гордости сообщил суду, что «раздатчиком» был он и – никто иной. Он неопровержимо доказал «сбытчикам», что никаких «разных лиц» – не было, а они всегда имели дело только с ним: в Одессе, в Варшаве, на Ирбитской и Макарьевской ярмарках. Он являлся перед ними купцом, монахом, даже – евреем, и в доказательство того, что ему нетрудно перевоплотиться и в еврея, он произнёс две-три фразы с акцентом рассказчика еврейских анекдотов. Говоря, он посматривал на публику, на присяжных и судей, и по усмешке его было ясно, что он любит – идиотами. Присяжные вынесли три особенно суровые приговора: Кожину, Малинину и ему. Когда суд объявил приговор бывшему «слабоумному», публика одобрительно зарычала, и некоторые даже аплодировали.

Разумеется, случай Музы и этот случай подтверждали догадку «нормальных» людей о том, что за глупостью видимой может быть искусно спрятана житейская мудрость, силою которой живут и они, нормальные. У меня оба эти случая возбудили внимание к людям ненормальным.

Об Игоше Смерть в Кармане я уже рассказывал где-то², но здесь необходимо вспомнить и о нём. Это был человек неопределённого возраста, высокий, тощий, с лицом и шеей в дряблых морщинах, пропитанных грязью или копотью, с чёрными руками; крючковатые пальцы его всегда шупали заборы, ворота, двери, тумбы и тело своё: бёдра, живот, грудь, шею, лицо. Всегда казалось мне, что руки его двигаются только снизу вверх, и почти неуловимо было быстрое падение рук вниз. Закопчённое лицо его в клочковатой чёрной бороде тоже всё шевелилось: двигались брови, фыркал нос, шлёпали слюнявые губы, произнося всегда одно и то же похабное ругательство, вздувался острый кадык, только маленькие чёрные глаза были неподвижны, точно у слепого. Зимой и летом он ходил в валяных сапогах, в расстёгнутом овчинном полушубке, в синих портках из пестряди, в такой же рубахе, – ворот её расстёгнут или разорван, обнажи-

---

² Об Игоше Смерть в Кармане я уже рассказывал где-то... – в рассказе «Зрители», в повести «Детство» и в статье «О разных разностях».

лись ключицы, и в углублениях между ними и шеей жутко вздувалась кожа. Походка у него была развинченная, казалось, что вот сейчас весь он развалится на куски и его лохматая голова покатится по мостовой камнем.

Было что-то страшноватое в неподвижности его глаз и особенно в руках его, – они так настойчиво щупали всё, как будто Игоша хотел убедиться: есть оно или только кажется. Меня очень занимало это ощупывание мира Игошей.

Нормальные люди боялись его, хмуро уступали ему дорогу, а мальчишки, бегая за ним, кричали: «Смерть в кармане! Игоша – смерть в кармане!»

Он совал руки в карманы полушубка, там у него был запас камней, и он швырял ими в детей одинаково ловко правой и левой рукой. Швырял и однообразно бормотал ругательство, а израсходовав камни – щёлкал зубами и завывал волчьим воем.

Был ещё дурачок Гриня Лобастов, видимый только весною и летом в ясные дни. Он сидел на скамье у ворот своего дома в Студёной улице, в каждой руке его были коротенькие, гладко выстроганные палочки. Неумоимо, с фокусной быстротой и ловкостью он гонял эти палочки между пальцами, как бы добиваясь, не прирастут ли они к ладоням шестыми пальцами. Маленький, толстый, всегда чисто вымытый, одетый в белое, с мягким «бабьим» лицом, в сероватой мягковолосой бородке, он смотрел узенькими, бесцветными глазами в голубую пустоту неба и улыбался странной улыбкой, – виноватой улыбочкой человека, который догадался о чём-то и очень смущён. Он был немой. «Нормальные» люди считали его «блаженным», и многие, проходя мимо него, низко кланялись чистенькому идиоту.

Был дурачок Реутов, маленький человек с чёрной бородкой клинышком, зиму и лето он ходил без шапки, на его черепе, вытянутом вверх, росли какие-то очень толстые, редкие волосы, на длинном лице – смешной кривой нос.

Ходил Реутов озабоченно наклонив голову, размахивая руками, и, уступая дорогу встречным, всегда останавливался, прижимаясь к забору, к стене. Если прохожий касался его, – Реутов долго и тщательно смахивал ладонью с одежды своей что-то, видимое только ему. Он был сыном богатого торговца мануфактурой и ревностным театралом – сиживал на «галёрке» театра каждый вечер во время сезона.

Нормальные люди не обращали на него внимания – он был недостаточно уродлив, не страшен, – не интересно безумен.

Было в городе и ещё несколько «дурачков», – по какой-то случайности все они были детьми людей зажиточных или богатых. Это я отметил.

Наиболее поразил меня Миша Тюленев. Среднего роста, широкоплечий, с огромной гривой грязных волос, закинутых на затылок и за оттопыренные уши, он был похож на расстриженного дьякона. Его скуластые, бритые щёки туго обтянуты кожей цвета глины, из-под густых бровей выкатились и тускло светятся круглые совиные глаза мутно-зелёного цвета, нос – тяжёлый, толстый, с раздутыми ноздрями, такие же толстые вывороченные губы, они в трещинах, в крови, точно искусаны, и на бритом подбородке тоже кровь. Толстое драповое пальто Миши вымыто дождями, выгорело на солнце, вытерто и обнаруживает на швах серые нитки, точно рёбра рыбы.

Пуговиц на пальто нет, карманы – оторваны, подкладка – изношена, торчат клочья ваты; под пальто рыжий пиджак, жилет, и всё – не застёгнуто, так же как и брюки. Ходил он всегда по мостовой, около панели, ходил точно по глубокому снегу или по песку – тяжело поднимая ноги и гулко печатая шаги широкими подошвами стоптанных сапог. Левую руку держал под жилетом на груди, а правой раскачивал, зажав в пальцы небольшой булыжник.

При встрече с женщинами замахивался на них булыжником и – рычал, бормотал что-то странно чавкающими звуками. Он был устрашающе противен, нормальные люди не терпели его, и, когда он днём появлялся на главных улицах города, его, точно собаку, гоняли поли-

цейские с помощью извозчиков, – извозчики хлестали Мишу кнутами. Тюленев натягивал на голову пальто и неуклюже бежал от них, поднимая ноги, как жеребец.

Я нередко встречал его в поле, за городом или притаившимся под стенами кремля, где-нибудь в тени башен. У меня он тоже вызывал впечатление отталкивающее и даже, кажется, вражду к нему, – мне казалось, что он притворяется, нарочно поднимает ноги так высоко, как будто идёт по болоту.

Отталкивал и тяжёлый взгляд его стеклянно-зелёных глаз. И вот, ночью, в полнолуние, я застиг его в ограде церкви Николы на Покровке; войдя в ограду, я услышал какие-то бухающие удары и в углу пристройки к стене церкви, в тени, увидел фигуру человека, – мне показалось, что он ломает стену. Но это Тюленев бил кулаком в грудь свою. Прежде чем я успел подойти к нему, он скользнул по стене, сел на землю и забормотал, – было хорошо видно, как шевелятся его толстые губы, выплёвывая чавкающие звуки:

– Чах, чав, чов...

Присев перед ним на корточки, я вслушивался; казалось, что Тюленев хочет, но не может выговорить какое-то слово. Сидел он закрыв глаза и всё бил кулаком в грудь, но уже бессильно. Я дотронулся до его плеча – тогда он, отталкивая меня одной рукой, другой стал щупать землю около себя, – должно быть, искал булыжник. Теперь он чавкал и шипел более громко, внятно:

– Чёрт – чужак – чужой – чёрт – чужак – чужак...

Затем он встал, вышел из тени в лунный свет, наклонился, поднял булыжник и пошёл прочь, особенно шумно топая. Я присел на ступени паперти, закурил; огонь спички вызвал откуда-то сторожа.

– Вот спасибо, что прогнал Мишу, – сказал он. – Боюсь я его, кокнет камнем, и – не пикнешь!

Старик сообщил, что Тюленев бывает тут, в углу, нередко, придёт, встанет к стене, бьёт себя в грудь и бормочет.

– Слыхать, он не дураком родился.

Что Тюленев и другие «ненормальные» родились не дураками, это – все говорили, но о причинах «душевной» кого-либо из них я ничего не мог узнать, хотя спрашивал многих обывателей-стариков.

Дурачки и блаженненькие казались мне интереснее «нормальных» людей. Это было вполне естественно, ибо я видел, что нормальные сводят всю свою жизнь к простейшим процессам: питания, размножения и сна; видел, что спокойное течение этих процессов обеспечивается эксплуатацией чужой силы, торговлишкой, обманами, мелким мошенничеством, – вообще: жизнь «нормальных» целиком заполнена всяческой «греховной» дрянью. Греховность жизни более или менее смутно сознавалась, поэтому «нормальные» в среду и в пятницу ели постное, а в субботу и в воскресенье ходили в церковь жаловаться богу на свою трудно-грешную жизнь и просить его о милосердии к их слабостям, говели, исповедовались во грехах попам, символически причащались тела и крови Христовой и при всём этом непрерывно изнуряли тела и пили кровь людей, которые работали для утверждения и обогащения нормальной жизни. У всех «нормальных» людей и у каждого был небольшой, неприкосновенный запас предубеждений, предрассудков, суеверий, и весь этот материал самозащиты объединялся бездушной верой в бога и в чёрта, тупым неверием в разум человека.

В городе 90 тысяч «нормальных», но театр – пустовал, хотя в нём играли неплохие артисты.

В том, что дурачок Реутов посещает все спектакли, я видел нечто юмористическое. Мне казалось, что блаженненький Лобастов смотрит в небо бескорыстнее людей, которые твёрдо знают, что – грибы полезней звёзд. «Нормальные» укрепляли свои старые дома, строили новые, такие же тяжёлые, тесные, а Игоша развинченно ходил по улицам и всё щупал, точно сомневаясь в прочности камня, дерева, земли.

Романтизм, свойственный юности, позволял мне насыщать ненормальных какими-то никому не доступными знаниями и чувствами, которых никто не испытал.

Остроумные люди – из племени «нормальных» – могут сказать, что я учился у дураков.

Было и это – учился, но – значительно позднее и не у тех дураков, которые названы мною здесь. Вообще же в мире нашем не существует ничего, что не было бы поучительно, мир этот действительно наш, потому что мы отдаём ему все наши силы, организуем его, сообразно нашим целям, и весь он – материал нам для изучения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.